

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ КОММЕМОРАЦИИ

СЮЕ ЛИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема атрибуции традиционной праздничной культуры Китая, которая напрямую связана с существованием коллективной культурно-исторической памяти, ее сохранением и трансляцией. Рассматриваются категории праздничной и традиционной праздничной культуры, выявляются их основные характеристики. Показывается, что традиционная праздничная культура формируется на основе сохраняющих устойчивость традиций, связанных с адаптацией общности к окружающему миру. Она выражает стереотипизированный коллективный опыт, представленный в разных формах ритуализированных практик. В китайской культуре традиционные праздники являются основой для поддержания идентичности, целостности нации, ее оригинальных черт. На примере китайского Нового года иллюстрируется коммеморативная сущность традиционной праздничной культуры.

Ключевые слова: праздник; традиционная праздничная культура; китайская культура; коммеморация; сохранение и трансляция; ценности; коллективная память.

CHINESE TRADITIONAL FESTIVE CULTURE IN THE CONTEXT OF COMMEMORATION

XUE LINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the problem of attributing the traditional festive culture of China, which is directly related to the collective cultural-historical, national memory, its preservation and transmission. The categories of festive and traditional festive culture are considered, their main characteristics are revealed. It is argued that the traditional festive culture is formed on the basis of sustainable traditions associated with the adaptation of the community to the outside world. It expresses the stereotyped collective experience, presented in various forms of ritualised practices. In Chinese culture traditional holidays are the basis for maintaining the identity, integrity of the nation, its original features. The example of the Chinese New Year illustrates the commemorative essence of the traditional festive culture.

Keywords: holiday; traditional holiday culture; Chinese culture; commemoration; preservation and broadcast; values; collective memory.

Введение

Праздник, как форма культуры, привлекает внимание исследователей самых разных областей социально-гуманитарного знания – от истории и культурологии до этнологии и философии. Это вполне объяснимо, поскольку праздничная культура сопровождает человеческое общество с самых ранних

Образец цитирования:

Сюе Лина. Китайская традиционная праздничная культура в контексте коммеморации. *Человек в социокультурном измерении*. 2022;2:48–54.

For citation:

Xue Lina. Chinese traditional festive culture in the context of commemoration. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2022;2:48–54. Russian.

Автор:

Сюе Лина – аспирантка кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат культурологии, доцент Э. А. Усовская.

Author:

Xue Lina, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of sociocultural communications.
898510795@qq.com

стадий его появления и развития, а также является неотъемлемой составляющей культуры в целом. Неповторимый культурный облик каждой эпохи находит свое отражение в праздничной сфере, репрезентирующей набор ценностей, норм и культурных образцов [1, с. 6].

Несмотря на то что ученые обращают внимание на феномен праздничной культуры, остается немало вопросов к изучению его в качестве культурного объекта, собственно, как и к определению самих терминов «праздничная культура» и «традиционная праздничная культура». В культурном дискурсе имеется недостаток в исследовании категоризации этих понятий. Как правило, праздник не является предметом отдельного теоретического изучения в культурологии. Чаще всего он рассматривается в контексте феноменов религии, традиций, ритуалов, обрядов и каких-либо активностей в свободное (нерабочее) время, а также в значении фестиваля, становясь предметом исследования антропологии, этнологии, истории и менеджмента.

Тем не менее большой вклад в изучение праздника как явления, репрезентирующего религиозные, аксиологические, социально-символические смыслы, внесли В. Я. Пропп, Й. Хёйзинга, М. М. Бахтин, Э. Касирер, К. Леви-Стросс, а также представители эволюционистской школы. Отдельные его аспекты анализировались Британской школой социальной антропологии, школой психологической антропологии (культура и личность) и культурными исследованиями повседневности. В социально-философском ключе праздник рассматривался М. С. Каганом, П. С. Гуревичем, С. С. Хоружим, Л. Н. Лазаревой. Среди китайских ученых следует назвать Ло Цижуня, Ян Жэньсюаня, Ху Лицзюаня и др. К сожалению, их работы часто имели описательный характер. Китайские исследователи не ставили перед собой цель всестороннего комплексного анализа их аксиологических, социальных и других взглядов.

Праздничная культура и традиционная праздничная культура имеют особое значение в аспекте меморации, которая расширяет понимание функций и содержания традиционной культуры и праздника как такового. Ряд ученых уже давно обратили внимание на девальвацию культурно-исторической памяти, роли прошлого, в которых традиция является основой преемственности и уникальности культур. Так, Ф. Арьес полагал, что подобная ситуация начала складываться еще в конце XIX в., когда происходил процесс утраты «присутствия прошлого, его непосредственного ощущения в обществе, которое ранее чувствовало себя всецело погруженным в живую традицию» [2, с. 44]. В настоящее время праздник расценивается с точки зрения конструкта коллективной памяти, что позволяет поддерживать культурную, национальную или наднациональную интеграцию. В контексте культурного наследия он, с одной стороны, эксплицирует культурное разнообразие мира, с другой стороны, подчеркивает его общность, обеспечивая историческую сохранность культурных элементов (духовных и материальных артефактов) и их трансляцию как живого явления, имеющего непреходящую актуальность.

Понятия «праздничная культура» и «традиционная праздничная культура»

Праздничная культура включает два основных понятия – «праздник» и «культура». Их содержание и границы вариативны, и с течением времени представления о них и сама их сущность изменялись. При этом праздник и культура неотделимы друг от друга. Так, под термином «праздник» автор настоящей статьи будет иметь в виду весь сложный спектр содержательных контекстов культуры. Это означает, что категория праздника указывает на него, с одной стороны, как на часть культуры, с другой стороны, как на феноменологический параллелизм возникновения культуры и праздника, учитывая тезис Й. Хёйзинга о разыгрывании культуры. Она здесь выступает прежде всего в виде процесса и результата адаптации к окружающему миру природы и социальным человеческим отношениям, итоги которой представлены в материальных и нематериальных объектах. Праздник в таком понимании есть форма традиции, закрепляющая социокультурный опыт группы или целого народа. В этой связи чрезвычайно актуальным является тезис М. М. Бахтина о первичности и важности праздника как формы человеческой культуры.

Смысловое наполнение празднества определил О. И. Даль, который подчеркивал его альтернативность будням, нерабочий характер, указывал на религиозный контекст, а также обозначал празднество как события или явления, имеющие для определенного сообщества или индивида исключительное значение¹. Очевидно, что и сегодня эти признаки являются основополагающими.

Пожалуй, именно в религиозном аспекте его рассматривал Дж. Дж. Фрэнсер. Английский антрополог, изучая ритуалы умирания (умерщвления) и воскрешение божества, фактически пришел к выводу о возрожденческом характере праздника. Эта линия была впоследствии продолжена А. И. Пиотровским, который отмечал, что «...земледельческие празднества были широко распространены и на берегах Средиземного моря, и на Востоке, и среди народов новой Европы. Они меняли в зависимости от господствующей официальной религии наименование свое и внешние формы, но оставались верными

¹Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. С. 390.

своей основе... В корне же их всюду лежал культ божества возрождающейся природы, божества плодородия, в образе Диониса, Адониса, Ра, почитавшегося в Греции, в Передней Азии, в Египте» [3, с. 178].

Зрелищно-магический, языческий характер праздника, непосредственно связанный с трудовой деятельностью, стал центральной характеристикой для школы В. Я. Проппа. Так называемая трудовая теория происхождения праздника и его сущности апеллировала к его производственным целям. Обряды и ритуалы выступали в качестве механизма «имитации действительности, которая должна вызвать изобразимую действительность к жизни» [4, с. 39]. В. Я. Пропп не ставил основной задачей выявление целостного содержания праздника, его разных функций и сторон, а сосредоточил внимание на анализе конкретных праздничных циклов. Тем не менее ему удалось определить такие важные черты праздника и причины его появления, как практический опыт освоения и преобразования природы, общественно-трудовая деятельность, наблюдение за природой. Следует отметить проведенный ученым глубокий анализ ритуализированного текста, заключающийся в экспликации знакового воплощения изначальных смыслов праздника. Поедание, захоронение кого-то являлись символическим действием, продуцирующим будущее, например воскрешение, возрождение.

С точки зрения польского ученого К. Жигульского, праздник концентрируется вокруг определенной ценности, которая имеет характер святыни, т. е. сакральный характер [5, с. 63]. Аксиологическое содержание праздника указывает на наличие определенных событий, явлений, обладающих смыслом, значением, оценкой, в которых выстраивается целая система отношений, выражающаяся в поведенческих формах и связях между членами сообщества.

Краткий анализ содержания праздника позволяет сделать вывод, что он, как культурная форма, связан с осознанием социальной общностью или группой ценности, значимости, сакральности и важности определенных событий, фактов, коллективного опыта, закрепляемого в образах, айденитике, обрядах и ритуалах. Праздничная культура в этой связи неотъемлема от традиции, нередко связанной с архетипичностью и базовыми культурными кодами, которые позволяют сохранить и транслировать сущностные ценности и конфигурации социокультурных общностей.

Сложность атрибуции праздничной культуры и праздничной традиционной культуры состоит в их многомерности и многосоставности. Порой праздник в аспекте характерологии и феноменологии эксплицируется как праздничная культура. Тем не менее автор настоящей статьи сформулировал определение последней: праздничная культура представляет собой систему отношений и связей между людьми и природой, членами общности (группы, этноса, нации, страны), выражающимися в мыслительных и поведенческих практиках, осуществляемых вокруг определенных событий, которые обладают характером ценности, сакральности, способствуют сохранению и трансляции идентичности, целостности общности.

Таким образом, в праздничную культуру априори включен концепт традиции, которая отвечает за преемственность и трансляцию базовых моделей, образцов, ценностей, присущих социально-культурной общности. Семантика и аксиология слова «традиция» достаточно обширна. От первоначальных понятий «передаю», «передача», «обычай» традиция постепенно стала трактоваться шире, сохранив при этом в качестве ключевых категории передачи и обычая, т. е. трансляции ритуализированных паттернов, имеющих устойчивый характер. Подобная устойчивость дала основание рассматривать традицию и традиционную культуру как сверхконсервативное явление, фактически идентичное застою. Однако такая интерпретация далека от научной рефлексии. Несмотря на так называемые прогресс, глобализацию, транскulturацию, традиция продолжает сохранять свое значение культурной скрепы, быть культурно-ментальным полем, вокруг которого возможна интеграция этноса, и являться источником инновационного развития. В то же время традиция становится определенного рода препятствием на пути динамики, если она не учитывает эту социокультурную динамику.

Еще одним важным аспектом понимания традиции являются вопросы о том, что сохраняется и передается, кто это делает и для чего, нужно ли следующим поколениям то, что существует в виде традиции. В некоторой степени они отражают проблему необходимости существования традиции. Во второй половине XX в. и тем более в XXI в. стало очевидно, что традиционность, традиционное общество и культура совсем несинонимичны косности и отсутствию социальных изменений. Интенсивное развитие культур Азии и Африки и многих неевропейских культур стало во многом возможным благодаря удачному взаимодействию традиционного, которое часто уподобляется национально-оригинальному, уникальному, с западными технологиями.

В то же время традиция способна продолжать функционировать, если она обеспечивает сохранность определенной конфигурации коллективного опыта и обладает авторитетом. Поэтому традиция представляет собой коллективный стереотипизированный опыт, который возник в определенное время и восходит к архетипичному, бессознательному либо появляется здесь и сейчас в связи с какими-либо актуальными событиями в существовании сообществ.

В китайской науке обыденного сознания, как и на уровне культуры повседневности, под традицией понимается передача из поколения в поколение обычаев, норм, идей и законов нравственности, специфических для общества или нации [6, с. 320]. Традиционная культура выглядит как кристаллизация национальной истории, в которой исторически значимые традиции сохраняются и транслируются [7, с. 198].

Таким образом, традиция – это система стереотипов отнюдь не всегда отрицательных, а, как правило, тех, которые позволяют передавать из поколения в поколение в максимально сжатом виде, возможно, многотысячелетнюю, как в случае с китайской культурой, информацию. В настоящее время она является культурно-ценностным резервуаром коллективной национальной идентичности.

В основе традиционной праздничной культуры традиция существует как способ, канал передачи коллективного опыта и информации, которая возникла как следствие адаптации к природе и социальным отношениям (здесь традиция фактически срастается с праздником); как культурно-социальная конфигурация, обеспечивающая идентичность и относительную целостность общности. Праздничная традиционная культура формируется на почве традиции и включает в себя собственно традицию, ее содержание, смыслы, ценности, а также формы и модели (поведенческие, мировоззренческие), имеющие ритуализированный, зрелищно-эмоциональный характер и воспроизводящие сущность традиции как результата хозяйственного, ментального, социального опыта.

Граница между праздничной культурой и традиционной культурой прозрачна. Это объясняется тем, что фактически любой праздник возникает как репрезентация и закрепление, а также как трансляция традиции. Это ощутимо в культурах, где традиции, особенно религиозные или философско-этические (в культуре Китая), продолжают оставаться фундаментом существования нации и государства.

Коммеморативная функция китайской традиционной праздничной культуры

Коммеморация – одна из научных и социально-культурных проблем, которая не теряет своего значения. Культурная память и ее репрезентация обладают устойчивостью и интегративным качеством создавать целостную конфигурацию общности вокруг явлений, событий, деятельности, имеющих ценность. Коллективная память, с одной стороны, устойчива, с другой – способна с течением исторического времени видоизменяться, а некоторые ее сегменты могут исчезать. Более того, трансформация паттернов культурной памяти обусловлена рядом причин, среди которых стоит назвать эпистемологические, представляющие собой смену когнитивных моделей, а значит, и идеологические, отвечающие за то, что может оставаться в качестве базовых ценностей и событий, соответствующих коллективной культурной памяти. В то же время культурная память, независимо от вызовов истории, чаще всего сохраняет основополагающие смыслы коллективного опыта, выраженного, в частности, в праздничной культуре.

Важность экспликации коммеморативной функции традиционной праздничной культуры, особенно применительно к Китаю, заключается в том, что она служит способом связи между прошлым и настоящим, а в условиях резкого модернизационного скачка, который совершила страна за последние тридцать лет, становится поиском баланса между традиционным и инновационным. Мемориальные контексты традиционной культуры связаны и с «особым сознанием принадлежности и сплоченности, с мы-сознанием» [8, с. 169], с теми нарративами, которые рассказываются праздниками, являются общим местом (местом для всех) и маркером сопричастности.

Праздничная культура в этой связи поддерживает в определенном роде аутентичность национального китайского менталитета. Автор настоящей статьи согласен с позицией В. В. Анохиной, в соответствии с которой основу данного менталитета составляет концепт неба как изначального абсолюта, «определяющего правила природного, социального и морального порядков в Поднебесной; идею Дао – безличного первоначала, пути, на котором гармонизируются естественные ритмы космоса с историческими циклами, социальными и антропоприродными ритмами человеческой жизни; идею перемен, согласно которой решающее значение для понимания вселенной имеют не ее субстанциальные основы (материя или дух), а способ внутренней организации, определяющий ритмичность и последовательность перемен...» [9, с. 53]. К этому следует добавить важность, фундаментальность конфуцианских морально-этических норм, отвечающих за конфигурацию моделей, обеспечивающих целостность китайской культуры при ее этническом многообразии, нормы поведения, в том числе уважение к старшим, предкам, и тип социальных иерархических связей, далеких от плоскостного понимания коллективизма. Не менее важной является роль буддизма, который в китайском варианте представлен в виде чань-буддизма, успешно интегрированного в поле традиционных языческих представлений и практик, имеющих весьма важное значение для традиционной культуры Китая.

Мировоззрение китайцев сочетает в себе прагматизм, веру в собственные силы при достижении целей, а также вполне совместимые (на их взгляд) между собой парадигмы конфуцианства, даосизма и буддизма с инкорпорированными в них представлениями о духах, магии цвета, чисел, подношениями духам, богам, предкам. Все это в известной степени находит свое выражение в традиционном празднике.

Любой праздник в контексте коммеморации и системы праздничной традиционной культуры представляет собой воспроизведение следующих структур: традиции как результата взаимодействия с окружающим миром, мифологизации и мемориализации важных для общности событий, явлений, фактов; ритуализированную деятельность; функциональное содержание традиции и ритуальных схем вместе с их ценностно-духовным наполнением в целях поддержания выживания общности, ее целостности, идентификации, социализации и инкультурации, накопления, сохранения и трансляции последующим поколениям имеющейся информации (опыта). Более того, праздник есть воспоминание о некогда существовавших событиях, местах, людях и предках, позволяющий осуществлять преемственность и связь между поколениями. Так, с точки зрения Ф. Ариеса, история как таковая всегда связана с традицией, стереотипизированной коллективной памятью, более того, сама история рождается в традиции [10, с. 239].

Коллективная культурно-историческая память проявляется и поддерживается целым рядом национальных китайских праздников, имеющих общегосударственное и общенациональное значение, а также отдельными праздниками, которые актуальны для этнических общностей Китая. Большинство из них связаны с базовой архетипической основой китайской культуры и ментальности – лунным календарем, цикличностью мировосприятия. Общекоммеморативными (соответствующими коллективной памяти) праздниками являются Праздник весны (китайский Новый год), Праздник фонарей (Юань-сяо), Праздник драконьих лодок (Дуань-у-цзе), Праздник середины осени (Чунь-цю-цзе), Праздник поминовения усопших (Цинмин).

Каждый из праздников, связанных с древнейшими традициями или появившихся в новой и новейшей китайской истории, актуален. Но особое значение имеют те праздники, которые обладают контекстом общей памяти. Это чрезвычайно важно, учитывая этническое разнообразие Китая. Так, на его территории проживают 56 этнических групп, представители которых говорят более чем на 200 диалектах. При этом титульная нация (хань) составляет 91,1 % от всего населения Китая². Достаточно серьезными являются отличия и между севером и югом Китая – нередко северяне с трудом понимают южан и наоборот. Помимо внутренней политики Китая, направленной на создание общих основ для идентичности, письма, системы образования, праздничная культура в данном случае обладает способностью к национальной консолидации (при сохранении поликультурности), апеллируя к общезначимым памятным конструктам.

На примере Нового года как одного из самых известных и любимых в Китае праздников обоснованы перечисленные тезисы.

Традиционный Праздник весны (как и любой другой), восходящий к древним пластам истории, представляет собой целую социальную, аксиологическую и коммеморативную функциональную систему. Он был связан с цикличностью времен года и сельскохозяйственными работами, лунным и солнечным календарями. Особенностью любого памятного события или явления в праздничной культуре китайцев являлась его обусловленность движением светил. Астрономические знания позволяли устанавливать взаимодействие между ними и сезонностью, а также служили источником предсказаний, в том числе для императора. Более того, этические установки, нормы поведения, умения читать небесные знаки и расположения звезд, предсказывать благополучие и процветание государства были взаимобусловленными.

Истоки китайского Нового года уходят в глубины неолита, когда возникли празднества Чжа и Ла, посвященные земледельческим богам. Красочные процессии с ритуальными жертвоприношениями животных Цзаовану (бог домашнего очага) были направлены на восполнение земель сил и плодородия. Обряды с течением времени модифицировались. Так, возник обычай готовить ритуальную кашу, часть которой предназначалась предкам (чашу ставили на алтарь), другая раздавалась родственникам и друзьям. Это новшество свидетельствовало о превращении Нового года в семейное торжество, объединяющее не только живых родственников между собой, но и умерших предков, символизируя таким образом связь, основанную на коллективной памяти, которая бы помогала в достижении чисто прагматических целей: поддержки и покровительства духов, а также избавления от нечисти, бед, болезней. Тесные родовые и семейные связи стали с течением времени основой для национальной идентичности, а общие

²Население Китая в 2022 году // Россия и Китай. Азиат. иллюстр. обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://ruchina.org/naselenie-kitaya.html> (дата обращения: 10.06.2022).

события, места и праздники – объединяющим началом, вокруг которых она выстраивалась. Выражение «помнить о ком-то» создавало конфигурацию «быть единым, общим». Соответственно, забвение становилось эквивалентом распада общности, а значит, и ее существования. Эти важные аспекты и сегодня эксплицируются в проведении Нового года, которое представляет собой целый процесс, наполненный подготовкой к празднику, проводами старого года и встречей нового, приготовлением имеющего важное значение ужина, в котором блюда сами по себе символизируют желаемый материальный достаток, общность коллективной памяти на ее разных уровнях. Культурная традиционность здесь имеет универсальные архетипические черты, свойственные многим народам, по сути, так называемые языческие, которые в китайской культуре имеют характер фундамента.

Новый год соединил в себе ценность семьи, благополучия и богатства, общности и единства, здоровья и успеха. Он воплотил в себе земледельческий культ, связанный с пробуждением природы, ее обновлением, который в присущих традиционному типу культуры сложных и различных ритуализированных формах репрезентировал разные жизненные смыслы, скрепленные коллективной памятью.

Заключение

Традиционная праздничная культура в контексте коммеморации представляет собой сложную систему практик, в основе которых лежит традиция как комплекс представлений об окружающем мире, стереотипизированный кумулятивный коллективный опыт, транслируемый в диахронном и синхронном порядке, обеспечивающий преемственность и социально-культурную идентичность. Память становится скрепляющим фактором, обеспечивающим коллективное *Мы*.

Китайская праздничная культура является репрезентатором базовых установок национальной культуры, связанных с особенностями мировосприятия китайцев, конфигурацией культурно-социальной адаптации и отношений. Она оказалась жизнеспособной в условиях постиндустриализации и глобализации, поскольку обладает способностью встраиваться в современные контексты, преобразуя и переосмысляя их.

Библиографические ссылки

1. Попова ВН. *Праздник как социокультурный феномен*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2017. 79 с.
2. Арьес Ф. *Время истории*. Неклюдова М, переводчик. Москва: ОГИ; 2011. 304 с.
3. Пиотровский А. *Театр. Кино. Жизнь*. Ленинград: Искусство; 1969. 512 с.
4. Пропп ВЯ. *Русские аграрные праздники*. Санкт-Петербург: Терра-Азбука; 1995. 176 с.
5. Жигульский К. *Праздник и культура. Праздники старые и новые: размышления социолога*. Стахеев БФ, Порус ВН, Коновалова ЛВ, переводчики. Москва: Прогресс; 1985. 336 с.
6. 路雨梅, 王群慧. 新编汉语辞海. 光明: 光明日报出版; 2012. 1831 页 = Лу Лимэй, Ван Цюнь Хуэй. *Новый китайский словарь*. Гуанмин: Издательство ежедневной прессы Гуанмин; 2012. 1831 с.
7. Цзя Хуэйминь. Общее понятие китайской традиционной культуры в китайском социогуманитарном знании. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;10(1):198–203.
8. Ассман Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Сокольская ММ, переводчик. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
9. Анохина ВВ. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2009;1:48–57.
10. Хаттон П. *История как искусство памяти*. Быстров ВЮ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2004. 424 с.

References

1. Popova VN. *Prazdnik kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Holiday as a sociocultural phenomenon]. Yekaterinburg: Ural University Publishing house; 2017. 79 p. Russian.
2. Ar'yes F. *Vremya istorii* [Time of history]. Neklyudova M, translator. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; 2011. 304 p. Russian.
3. Piotrovskiy A. *Teatr. Kino. Zhizn'* [Theatre. Movie. Life]. Leningrad: Iskusstvo; 1969. 512 p.
4. Propp VYa. *Russkiye agrarnyye prazdniki* [Russian agricultural holidays]. Saint Petersburg: Terra-Azbuka; 1995. 176 p. Russian.
5. Zhigul'skiy K. *Prazdnik i kul'tura. Prazdniki staryye i novyye: razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and culture. Holidays old and new: reflections of a sociologist]. Stakheev BF, Porus VN, Konovalova LV, translators. Moscow: Progress; 1985. 336 p. Russian.
6. Lu Limei, Wang Qun Hui. [New Chinese Dictionary]. Guangming: Guangming Daily Press; 2012. 1831 p. Chinese.

7. Jia Huimin. General notion of chinese traditional culture in chinese social and humanities cognition. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;10(1):198–203. Russian.

8. Assman YA. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Sokol'skaya MM, translator. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. 368 p. Russian.

9. Anokhina VV. [Cultural traditions and paradoxes of improvement in modern China]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2009;1:48–57. Russian.

10. Khatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. Bystrov VYu, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2004. 424 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.07.2022.

Received by editorial board 11.07.2022.